

Сочинения Александра Пушкина. Томы IX, X и XI. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

Сочинения Александра Пушкина. Томы IX, X и XI. В. Г. Белинский

Наконец издание полного собрания сочинений Пушкина кончено, или, по крайней мере, почти кончено: остаются только материалы для истории Петра Великого, несколько литературных статей и несколько малоизвестных стихотворений, рассеянных по альманахам и журналам. Материалы для истории Петра Великого, долженствующие составить собою целый том (XII-й) и интересные сколько в историческом смысле, столько и по заметкам руки Пушкина, хоть, может быть, еще и не скоро, но когда-нибудь будут же, бог даст, изданы попечительного опекою;{1} что же до литературных статей и до малоизвестных стихотворений, не вошедших в одиннадцатитомное издание полного собрания сочинений Пушкина, – их берутся вторично представить вниманию публики «Отечественные записки»{2}, – чтоб будущие издатели или (что было бы лучше для сочинений Пушкина, во избежание поговорки: у семи нянек дитя без глазу) будущий издатель знал, где взять все остальное, принадлежащее Пушкину и вместе собранное. «Отечественные записки» не замедлят сделать это в одной из следующих своих книжек{3}, а для начала теперь же возобновляют вниманию публики два следующие, уже бывшие напечатанными, стихотворения Пушкина и не находящиеся в полном собрании его сочинений:

Нет, нет, не должен я, не смею, не могу
Волнениям любви безумно предаваться!
Спокойствие мое я строго берегу
И сердцу не даю пылать и забываться.
Нет, полно мне любить! Но почему ж порой
Не погружуся я в минутное мечтанье,
Когда нечаянно пройдет передо мной
Младое, чистое, небесное созданье,
Пройдет и скроется? Ужель не можно мне
Глазами следовать за ней и в тишине
Благословлять ее на радость и на счастье,
И сердцем ей желать все блага жизни сей, –
Веселый мир души, беспечные досуги,
Все – даже счастье того, кто избран ей,
Кто милой деве даст название супруги?..{4}
Признание (К Александре Ивановне О-й)

я вас люблю, – хоть я бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный:
И в этой глупости ужасной
У ваших ног я признаюсь!
Мне не к лицу и не по летам...
Пора, пора мне быть умней!
Но узнаю по всем приметам
Болезнь любви в душе моей:
Без вас мне скучно, – я зеваю;
При вас мне грустно, – я терплю;
И, мочи нет, сказать желаю,
Мой ангел, как я вас люблю!
Когда я слышу из гостиной
Ваш легкий шаг, иль платья шум,
Иль голос девственный, невинный,
Я вдруг теряю весь свой ум.
Вы улыбнетесь, – мне отрада;
Вы отвернетесь, – мне тоска;
За день мучения – награда
Мне ваша бледная рука.
Когда за пальцами прилежно
Сидите вы, склонясь небрежно,
Глаза и кудри опустья, –
Я в умиленьи, молча, нежно
Любуюсь вами, как дитя...
Сказать ли вам мое несчастье,
Мою ревнивую печаль,
Когда гулять, порой в ненастье,
Вы собираетесь вдаль?

И ваши слезы в одиночку,
И речи в уголку вдвоем,
И путешествие в Опочку,
И фортепьяно вечерком?..
Алина! сжальтесь надо мною.
Не смею требовать любви:
Быть может, за грехи мои,
Мой ангел, я любви не стою!
Но притворитесь: это взгляд
Все может выразить так чудно!
Ах, обмануть меня не трудно!..
Я сам обманываться рад!..{5}

Что же касается до прозаических статей, почему бы те ни было не вошедших в полное собрание сочинений Пушкина, – мы не можем исчислить их все до одной безошибочно, тем более что некоторые из них были напечатаны без имени автора и составляют тайну издателей журналов, в которых были помещены. Но вот перечень главнейших из них: «Об истории Пугачевского бунта» (разбор статьи, напечатанной в «Сыне отечества» в январе 1835 года);[1] «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности как иностранной, так и отечественной (читанное им 18 января 1836 года в императорской Российской Академии);[2] «Отрывок из литературных летописей»;[3] «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов»;[4] «Одна глава из «Неоконченного романа»»[5]{6}. Все эти статьи в высшей степени интересны, особенно о так называемом «Мнении г. Лобанова о словесности как иностранной, так и отечественной», «Торжество дружбы» и пр.{7}.

Вместе со стихами, не вошедшими в одиннадцать уже изданных томов сочинений Пушкина, эти шесть статей{8} могли бы составить целый небольшой том. А сколько еще в журналах статей, которые публика читала, не зная, что автор их – Пушкин! Есть статья в «Московском телеграфе» 1825 года{9} и множество мелких статей в «Литературной газете» 1830 и 1831 годов, издававшейся покойным Дельвигом. В «Литературной газете» 1830 года (т. I, стр. 98) найдете даже подписанную полным именем Пушкина статейку, которая есть не что иное, как журнальная заметка;{10} из этой заметки видно, что объявление об «Илиаде» Гнедича (стр. 14) писано Пушкиным{11}. Конечно, и заметка и объявление не больше, как журнальные мелочи; но когда дело идет о таком человеке, как Пушкин, тогда мелочей нет, а все, в чем видно даже простое его мнение о чем бы то ни было, важно и любопытно: даже самые ошибочные понятия Пушкина интереснее и поучительнее самых несомненных истин многих тысяч людей. Вот почему мы желали бы, чтоб не пропала ни одна строка Пушкина и чтоб люди, которых он называл своими друзьями или с которыми он действовал в одних журналах, или у которых в изданиях когда-либо и что-либо помещал, – объявили о каждой строке, каждом слове, ему принадлежащем. В таком случае – повторяем – кроме двенадцатого тома с материалами для истории Петра Великого (если только соблаговолят когда-нибудь его выдать), набрался бы еще порядочный том, и всех томов вышло бы тринадцать, вместо одиннадцати, теперь существующих. Мы не думаем, чтоб, кроме пропущенных двух статей из «Современника», подписанных именем Пушкина, не было в этом издании и других статей, принадлежащих Пушкину. Так, например, в «Современнике» статьи: «Разбор сочинений Георгия Конисского», «Вольтер», «Отрывок из неизданных записок дамы» не подписаны именем Пушкина, а последняя даже означена переводом с французского{12}, – между тем все они вошли в полное собрание сочинений Пушкина; почему же не Пушкину принадлежат статьи – в 1-м томе «Современника»: «Российская академия», «Французская академия»?{13} Не нашлось рукописей? – Но неужели же нет других свидетельств, и все статьи Пушкина, которые были напечатаны без его имени и которых рукописи затеряны, должны пропасть?..

Сказав о том, что не напечатано из сочинений Пушкина в «полном» собрании его сочинений, будем теперь говорить о том, что вошло в последние три тома. Девятый том самый большой; он наполнен одними стихотворными пьесами и начинается поэмами, напечатанными в «Современнике» 1837 года и в I томе «Ста русских литераторов»: «Медный всадник», «Каменный гость», «Русалка» и «Галуб»{14}. Странно, что по распоряжению, в котором издательнице несколько не виноваты, вторая поэма – из «Дон Хуана», как она названа самим Пушкиным, переименована в «Каменного гостя»{15}, но еще страннее, что из нее выпущены обе песни, которые поет Лаура. Вторая из этих песен давно уже известна публике; это – «Ночной зефир струит эфир». Первая тоже известна публике, хотя и никогда не была напечатана; наш известный композитор М. И. Глинка положил ее на музыку, и слова, с которыми поется эта музыка, сделались еще известнее самой музыки. Вот они:

Я здесь, Инезилья,
Стою под окном.
Объята Севилья
И мраком и сном.
Исполнен отвагой,
Окутан плащом,
С гитарой и шпагой
Я здесь под окном.
Ты спишь ли? Гитарой
Тебя разбужу.
Проснется ли старый,
Мечом уложу.
Шелковые петли
К окошку привесь...
Что медлишь?..
Уж нет ли
Соперника здесь?..
Я здесь, Инезелья,
Стою под окном...
Объята Севилья
И мраком и сном...{16}

За поэмами следуют мелкие стихотворения, в трех отделениях: в первом заключаются посмертные стихотворения, как бывшие напечатанными, так и нигде не напечатанные; во втором – лицейские стихотворения; в третьем – стихотворения, пропущенные в первых восьми томах. Из посмертных стихотворений много совершенно новых, нигде не бывших напечатанными; все они прекрасны и интересны, а некоторые из них запечатлены всею силою гения Пушкина. Вот общий их перечень: «Памятник», «Желание», «Сетование», «Не дай мне бог сойти с ума», «Художнику», «Паж, или Пятнадцатилетний король», «Не розу пафосскую», «LVII ода Анакреона», «Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила», «Бог веселый винограда», «Юноша, скромно пируй», «Мальчику», «Из Анакреона», «Подражание итальянскому», «Жалоба», «Добрый совет», «К***», «Подражание арабскому», «Лейла», «М. А. Г.», «Лицейская годовщина», «К Г***», «Романс», «Ночью во время бессонницы», «Заклинание», «Каприз», «М*», «Подражание Данту», «Родриг», «Отрывок»{17}, «Альфонс», «Осень» и пр. Подобно Державину, Пушкин переделал «Памятник» Горация в применении к себе: его «Памятник» есть поэтическая апофеоза гордого, благородного самосознания гения:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный:
К нему не зарастет народная тропа;
Вознесся выше он главою непокорной
Наполеонова столпа.
Нет, весь я не умру, душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит,
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.
Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык –
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык.
И долго буду тем народу я любезен,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что прелестью живой стихов я был полезен
И милость к падшим призывал.
Веленью божию, о муза, будь послушна!
Обиды не страшись, не требуй и венца;
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца...{18}

В превосходнейшей пьесе «Каприз» Пушкин художнически решает важный эстетический вопрос о причине унылости как основном элементе русской поэзии. Он находит ее в нашей русской природе и изображает ее красками, которых сила, верность и безыскусственная простота дыша г всею гениальностью великого национального поэта:

Румяный критик мой, насмешник толстопузой,
Готовый век трунить над нашей томной музой,
Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной;
Попробуй, сладим ли с проклятою хандрой.

Что ж ты нахмурился? Нельзя ли блажь оставить
И песенкою нас веселой позабавить?

Смотри, какой здесь вид: избушек ряд убогой,
За ними чернозем, равнины скат отлогой,
Над ними серых туч густая полоса.

Где ж нивы светлые? где темные леса?

Где речка? На дворе у низкого забора

Два бедных деревца стоят в отраду взора,

Два только деревца, и то из них одно

Дождливой осенью совсем обнажено,

А листья на другом размокли и, желтея,

Чтоб лужу засорить, надут первого борей.

И только. На дворе живой собаки нет.

Вот, правда, мужичок; за ним две бабы вслед.

Без шапки он; несет под мышкой гроб ребенка

И кличет издали ленивого попенка,

Чтоб тот отца позвал да церковь отворил.

Скорей! ждатель некогда! давно б уж схоронил{19}.

Пьеса «Ночью во время бессонницы» показывает, как глубоко вглядывался Пушкин во все явления жизни, как глубоко прислушивался он к ним:

Мне не спится, нет огня;

Всюду мрак и сон докучный.

Ход часов лишь однозвучный

Раздается близ меня.

Парки бабье лепетанье,

Спящей ночи трепетанье,

Жизни мышья беготня –

Что тревожишь ты меня?

Что ты значишь, скучный шепот?

Укоризна или ропот

Мной утраченного дня?

От меня чего ты хочешь?

Ты зовешь или пророчишь?

Я понять тебя хочу,

Темный твой язык учу{20}.

«Подражание Данту», для не знающих итальянского языка, верно показывает, что такое Дант как поэт. Вообще, у нас Дант какая-то загадка: мы знаем, что Шлегель его провозгласил чуть-чуть не наравне с Шекспиром;{21} наши доморожденные критики также много накричали о нем; были о нем даже целые диссертации, хотя немножко и бестолковые; переводы из Данта, еще более диссертаций, добились на Руси{22}. Но теперь, после двух небольших отрывков Пушкина из Данта, ясно видно, что стоит только стать на католическую топку зрения, чтоб увидеть в Данте великого поэта. Прислушайтесь внимательным слухом к этим откровениям задумчивого, тяжело страстного итальянца, которого душа так и рвется к обаяниям искусства и жизни, несмотря на весь свой католический страх греха и соблазна:

И часто я украдкой убежал

В великолепный мрак чужого сада,
Под свод искусственный порфирных скал.

Там нежила меня дерев прохлада;

Я предавал мечтам мой слабый ум,

И праздномыслить было мне отрада.

Любил я светлых вод и листьев шум,

И белые в тени дерев кумиры,

И в ликах их печать недвижных дум.

Все – мраморные циркули и лиры

И свитки в мраморных руках,

И длинные на их плечах порфиры –

Все наводило сладкий некий страх

Мне на сердце; и слезы вдохновенья

При виде их рождались на глазах.

Другие два чудесные творенья

Влекли меня волшебною красой:

То были двух бесов изображенья.

Один (дельфийский идол) лик молодой –

Был силен, полон гордости ужасной,

И весь дышал он силой неземной.

Сочинения Александра Пушкина. Томы IX, X и XI. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Другой, женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеал,
Волшебный демон лживый, но прекрасный{23}.

.
Пьеса, названная «Отрывком» (стр. 183), есть целая поэма глубоко религиозного содержания, написанная библейским языком{24}. «Осень» – тоже целая лирическая поэма, отличающаяся верностью красок и богатством национальных элементов. Она особенно знакомит с личностью самого поэта, – и мы не можем не выписать из нее двух отрывков:

Дни поздней осени бранят обыкновенно;
Но мне она мила, читатель дорогой:
Красою тихую, блистающей смиренно,
Как нелюбимое дитя в семье родной,
К себе меня влечет. Сказать вам откровенно:
Из годовых времен я рад лишь ей одной;
В ней много доброго, любовник нетщеславный,
Умел я отыскать мечтою своенравной.
Как это объяснить? Мне нравится она,
Как, – вероятно, вам чахоточная дева
Порю нравится. На смерть осуждена,
Бедняжка клонится без ропота, без гнева;
Улыбка на устах увянувших видна;
Могильной пропасти она не слышит зева,
Играет; на лице еще багровый цвет,
Она жива еще сегодня – завтра нет.

.
И забываю мир – и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепещет и звучит и ищет, как во сне,
Излиться наконец свободным проявленьем –
И тут ко мне идет незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей.
И мысли в голове...
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге;
Минута – и стихи свободно потекут.
Так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге,
Но чу! матросы вдруг кидаются, ползут
Вверх, вниз – и паруса надулись, ветра полны,
Громада двинулась и рассекает волны...{25}

Кроме пьес, о которых мы сейчас упоминали, выписывая их вполне или отрывками, особенно замечательны: «Не дай мне бог сойти с ума», «Паж, или Пятнадцатилетний король», «Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила», «Подражание итальянскому», «К***» (стр. 153), «Подражание арабскому», «Романс» и «Альфонс». Всего менее можно быть довольну пьесой «Родриг»: это что-то недоконченное, вроде тех испанских баллад, которые давно уже прискучили; – «Отрывок» (стр. 168){26} есть не что иное, как известная пьеса «Люблю ваш сумрак неизвестный» в ее первобытном виде, неизвестном публике, и ее должно б отнести, вместе со многими другими, к особому разряду переделанных пьес. Посмертные пьесы, напечатанные в «Отечественных записках» и альманахах, помещены все до одной, кроме двух, выписанных нами в начале этой статьи. Также напечатаны все пропущенные в первых восьми томах (до пятнадцати числом).

Десятый том содержит в себе прозаические статьи: «Арап Петра Великого», «Летопись села Горохина»{27}, «Дубровский», «Египетские ночи» и «Сцены из рыцарских времен». Из них повесть «Дубровский» совершенно новая и доселе неизвестная публике. Это одно из величайших созданий гения Пушкина. Верностью красок и художественною отделкою она не уступает «Капитанской дочке», а богатством содержания, разнообразием и быстротою действия далеко превосходит ее. Она значительна и объемом своим, ибо заключает в себе 138 страниц.

Одиннадцатый том содержит в себе, кроме известных уже статей: «О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая»», «Последний из родственников Иоанны д'Арк», «Рославлев», «Недоконченные повести», «Анекдоты»;{28} «Записки бригадира

Сочинения Александра Пушкина. Томы IX, X и XI. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Моро де Бразе»; – совершенно новые статьи: «Шоссе», «Москва», «Ломоносов», «О цензуре», «Русская изба»{29}, «Лорд Байрон» и вполне «Записки»{30} Пушкина. Из всего этого особенно интересна превосходная статья «Ломоносов»; примечательны статьи: «Шоссе», «Москва» и «Лорд Байрон»; но остальные (то есть «О цензуре» и «Русская изба») бледны, вялы и похожи на какие-то недоконченные очерки.

Во всяком случае, издатели выполнили свое дело совестливо и исправно. Если бы кому-нибудь показалось в этом издании что-нибудь сомнительным, тот может ожидать пояснения только от опеки, которая заведует всем, оставшимся после Пушкина, и которая, вероятно, при последнем томе, если только она напечатает его, отдаст отчет публике во всем издании. Три последние тома изданы очень опрятно, даже красиво, а в сравнении с первыми восемью томами, великолепно и роскошно. Мы думаем, что за все это издатели заслуживают искреннюю благодарность со стороны публики.

Но не все так думают. Только что успело появиться объявление о прекрасном предприятии гг. Глазунова и Заикина, как уже и было встречено бранью одной газеты, которой мы не назовем теперь; когда же понадобится, укажем на № и страницу{31}. Благородное предприятие гг. Глазунова и Заикина, обрадовавшее всех, не понравилось этой газете, и она поспешила противостать даже объявлению о сем предприятии с такою запальчивостью, как будто бы дело шло о ее собственной жизни и смерти. Протест этот благонамеренная газета опубликовала статью, которая возмущает душу своим неуважением к имени величайшего поэта России и совершенным забвением всякого приличия. Послушайте, что сказала она:

За несколько лет пред сим принимаема была подписка во всех концах России, посредством местных начальств, на «Последние сочинения А. С. Пушкина». Мы думали, что получили все, написанное Пушкиным; но когда сочинения вышли в свет, оказалось, что в них пропущены были многие отличные стихотворения, бывшие уже напечатанными в собрании, носящем заглавие (:) «Мелкие стихотворения». Мало этого: после выхода в свет восьми частей сочинений А. С. Пушкина, в журналах начали появляться сочинения в стихах и прозе, приписываемые А. С. Пушкину, не напечатанные в вышедших в свет восьми томах, а теперь издаются три новые тома (9, 10 и 11), под заглавием «Последние сочинения А. Пушкина». Кажется, лучше бы издать все вместе, при первой подписке, а если не все было тогда собрано, то не лучше ли было бы подождать, но во всяком случае не размещать вновь найденных сочинений по журналам, когда намеревались издать их особо. Носятся слухи, что еще находятся в рукописи сочинения Пушкина, и между прочим материалы к жизни Петра Великого. Ужели и это должно сперва упитать журналы, а потом быть пущено в свет особо?{32}

Не знаем до какой степени все это справедливо; но все это нисколько не должно и не может относиться к гг. Глазунову и Заикину, потому что таково было распоряжение опеки, уставленной над детьми и имением Пушкина.. Мы полагаем, вина гг. Глазунова и Заикина не та, а гораздо тяжелее. Видите ли, в объявлении об издаваемых ими трех частях сочинений Пушкина они осмелились сказать, что «имя Пушкина принадлежит к числу тех немногих имен, которые всякий русский произносит с гордостью и чувством глубочайшей благодарности». Какая дерзость, в самом деле! И вот означенная газета пересчитывает все великие исторические имена, которые Россия произносит с гордостью и благодарностью, как будто бы это мешает ей воздавать равное и великому имени Пушкина. Мало того: газета кричит изо всей мочи, что Ломоносов создал правила языка, что Карамзин научил всех писать прозой и целое поколение заставил полюбить отечественную историю; но что Пушкина будто бы мы (?) любим только за гладкий, бойкий стих и за сладость, сообщенную им русскому пиитическому языку; что он первый между легкими нашими поэтами и что, вследствие всего вышереченного, мы не обязаны ему глубочайшею благодарностью!!!. «Можно ли (преостроумно замечает газета) оказывать одинаковую благодарность и доктору, спасшему жизнь, и милому человеку, накормившему сладко?..» Но чувствительнее всего задела газету эти слова объявления: «Как верный, истинный представитель русского духа, Пушкин у нас не имеет соперников; как поэт вдохновенный, он превосходит всех других русских стихотворцев оригинальностью мысли, силою выражения и особенно прелестью стиха, до него неизвестною», и: «Проза его есть верх совершенства». Вот как газета опровергает эти неопровержимые по своей очевидности, целым народом утвержденные и признанные истины:

Державин, Карамзин и Крылов как представители русского духа – выше Пушкина, а прелесть стиха была известна и до Пушкина, в стихах В. А. Жуковского, хотя в

Сочинения Александра Пушкина. Томы IX, X и XI. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
этом отношении Пушкин точно выше всех. А куда поместить прозу Карамзина, Жуковского? Ужели ниже? Нет, и сто раз пет! Проза Карамзина и Жуковского гораздо выше прозы Пушкина. – Более не станем говорить о объявлении!

Очень доказательно! коротко и ясно – по-шемякински!..^{33} Однако мы все-таки постараемся еще более уяснить этот вопрос, не для сочинителя статьи – о нет! игра не стоила бы свеч, – и даже не для образованной части публики: она давно уж' не верит газетам, подобным вышеозначенной, – а для тех читате- лей, которых газета, как кажется, имела в виду. – Честь и слава Ломоносову и Державину, Карамзину и Крылову – честь и слава: их заслуги велики, их имена бессмертны; но они именно тем и разнятся от Пушкина, что каждый из них выразил известную сторону духа русского, а в духе Пушкина слились все стихии, отразились все стороны русского духа; Пушкина нет в Ломоносове, Державине, Карамзине, Крылове, Жуковском, Батюшкове, Грибоедове, но они все в Пушкине. Что же до прозы Пушкина, – правда, Карамзин приучил русскую публику к чтению русских книг, и его проза до издания «Истории государства Российского» уступает сладостной, гармонической прозе Жуковского и Батюшкова, – зато в русской литературе нет ничего выше его исторической прозы, кроме «Истории Пугачевского бунта», пером Тацита писанной на меди и мраморе!.. В «Капитанской дочке», «Пиковой даме», «Кирджали» и разных журнальных статьях Пушкин не имеет себе соперников в подобных родах сочинений. Легкость стихов Пушкина – легка только для верхоглядов, а не для людей, которые умеют вглядываться в глубину предметов. Тяжеловатость отнюдь не есть признак и условие достоинства в поэзии: иначе «Петриада» Ломоносова, «Россиада» и «Владимир» Хераскова, «Александроида» г. Свечина, «Дмитрий Самозванец» г. Булгарина и «Черная женщина» г. Греча были бы величайшими созданиями искусства. Французский песенник (chansonnier de France), Беранже, еще легче Пушкина; но его легкие песни, как электрические искры, потрясают Францию от одного конца до другого, – и его (по прекрасному выражению Жюль Жанена) Наполеон из глубины своего гроба приветствовал царем поэтов^{34}. У Пушкина всего легче эпиграммы; но многие знавали прежде, помнят еще и теперь, как тяжелы эти эпиграммы: это-то обстоятельство, может быть, и заслоняет от иных величие поэтического гения Пушкина...^{35}

Сочинитель вышеозначенной газетной статьи уверяет, что «долг правды и беспристрастной критики» заставил его сделать замечание на объявление гг. Глазунова и Заикина и что «его замечания основаны на мнении многих литераторов и любителей русской словесности». Прекрасно! Всем известно, как силен над сочинителем статьи долг правды, а беспристрастие его так называемых критик давно уже вошло в пословицу; но – скажите, бога ради, – кто эти литераторы-невидимки и таинственные любители русской словесности, на мнении которых сочинитель основал свои беспристрастные замечания?.. Как кто? – Сами издатели газеты, в которой помещена статья...^{36} А! вот что!..

Если уже одно объявление об издании трех последних томов «Сочинений Пушкина» могло возбудить такую выходку, – как же некоторые газеты и некоторые литераторы и любители русской словесности встретят теперь эти самые три тома?.. Для того-то и поспешили мы расчесться с этими господами ранее, чтоб потом уже хладнокровно смеяться над их похвальными усилиями поколебать треножник, на котором горит пламя поэзии великого национального поэта...^{37}

Итак, теперь Пушкин издан почти весь; публика его читает и перечитывает, ожидая суждений критиков. Бог весть, дождется ли она их когда-нибудь; но мы уверены, что ей долго ждать, потому что знаем наших так называемых критиков и критиканов: – народ глубокомысленный, с светлыми взглядами, с живым словом... Иной заговорит, что Пушкин уже отжил свой век; иной провозгласит, что он велик только на мелочи; один будет утверждать, что все достоинство поэзии Пушкина заключается в легкой версификации; другой объявит во всеуслышание, что у Пушкина нет ни одной европейской мысли, как у его приятеля г-на А., г-на В., г-на В. и т. д.; третий откроет за тайну, что Пушкин безнравствен; четвертый, что Пушкин не народен, увлекался обольщениями лукавого Запада, а не черпал своих вдохновений из суздальских лубочных литографий и, подобно какому-нибудь рифмотворцу, в надутых и холодных стишонках не кричал о смерти и гниении Европы. Одним словом, будут прекуръезные критики...^{38} Но мы – что же будем делать мы?.. Уж, конечно, не слушать этих господ, сложа руки... Пусть стреляют в нас и косвенными намеками и статьями вроде юридических бумаг известного рода...^{39} Пусть толкуют о каких-то критиках, которые, не зная по-немецки, из третьих рук перевирают Гегеля^{40}. Пусть!.. Мы будем идти своею дорогою, не замечая криков и брани. Публика уже рассудила и их и нас. Публика знает, что в журналистике нет публичных экзаменов,

Сочинения Александра Пушкина. Томы IX, X и XI. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru не нужны ученые дипломы, а нужен ум, талант и знание, не зависящие от экзаменов и дипломов, и что только зависть, невежество, незнание приличий могут отважить кого-нибудь на произвольное и ничем не доказанное обвинение в незнании языка или какой-нибудь пауки... Да если б и так когда-нибудь и где-нибудь было, что ж тут худого? Конечно, знание языков и ученость – великое дело в критике; но публика предпочитает умную статью хотя бы и не бог знает какого ученого критика – нелепой статье ученого невежды; голос истины и свободного убеждения, живо и с энергией высказываемого, предпочитает апатическим бредням отсталого труженика науки, надутого педанта{41}, бездарного витязя фолиантов и букв. Что делать! публика – женщина, а прихоть составляет характер женщины; это ее вдохновение... Итак, несмотря ни на кого, о полном собрании сочинений Пушкина «Отечественные записки» скоро представят статью, а может быть, и целый ряд статей...{42}

Примечания

Список сокращений

В тексте примечаний приняты следующие сокращения:

Анненков – П. В. Анненков. Литературные воспоминания. М., Гослитиздат, 1960.

Белинский, АН СССР – В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. I–XIII. М., Изд-во АН СССР, 1953–1959.

ГБЛ – Государственная библиотека им. В. И. Ленина.

Герцен – А. И. Герцен. Собр. соч. в 30-ти томах. М., Изд-во АН СССР, 1954–1966.

ГИМ – Государственный исторический музей.

ГПБ – Государственная Публичная библиотека СССР им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР.

КССБ – В. Г. Белинский. Сочинения, ч. I–XII. М., Изд-во К. Солдатенкова и Н. Щепкина, 1859–1862 (составление и редактирование издания осуществлено Н. Х. Кетчером).

КССБ, Список I, II... – Приложенный к каждой из первых десяти частей список рецензий Белинского, не вошедших в данное издание «по незначительности своей».

ЛН – «Литературное наследство». М., Изд-во АН СССР.

Панаев – И. И. Панаев. Литературные воспоминания. М., Гослитиздат, 1950.

ПР – позднейшая редакция III и IV статей о народной поэзии.

ПССБ – В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., под ред. С. А. Венгерова (т. I–XI) и В. С. Спиридонова (т. XII–XIII), 1900–1948.

Пушкин – А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10-ти томах. М.–Л., Изд-во АН СССР, 1962–1965.

ЦГИА – Центральный Государственный исторический архив.

Сочинения Александра Пушкина. Томы IX, X и XI...

Впервые – «Отечественные записки», 1841, т. XVII, № 8, отд. VI «Библиографическая хроника», с. 33–41 (ц. р. 31 июля; вып. в свет 2 августа). Без подписи. Вошло в КССБ, ч. V, с. 315–327

3 августа 1841 года Белинский сообщил Н. Х. Кетчеру: «Цензура не пропустила в моей статье о Пушкине (3 том) заглавие пушкинской статьи «О мизинце г. Булгарина и о прочем».

Рецензируемые тома дополнили первое посмертное собрание сочинений А. С. Пушкина (т. 1–8, СПб., 1838). Оно было подготовлено опекой над имуществом и детьми Пушкина, в которую входили В. А. Жуковский, П. А. Плетнев и П. А. Вяземский. Это

Сочинения Александра Пушкина. Томы IX, X и XI. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru собрание сочинений страдало существенными недостатками: помимо того, что Жуковскому – в связи с жесткими цензурными условиями – пришлось «отредактировать» или «обработать» целый ряд не публиковавшихся ранее произведений поэта, в издание проникло множество пропусков, ошибочных чтений, произвольных компоновок, элементарных небрежностей и опечаток (см.: Н. В. Измайлов. Текстология. – В кн.: «Пушкин. Итоги и проблемы изучения». М.-Л., «Наука», 1966, с. 560–561). Белинский подчеркивал недостатки издания уже в рецензии на первые три тома (см.: наст. изд., т. 2, с. 282–284). Тем не менее именно на это собрание сочинений критик опирался, работая над одиннадцатью статьями о Пушкине (1843–1846).

Сноски

1

См. «Современник» 1836 г. Т. III, стр. 109.

2

«Современник» 1836. Т. III, стр. 94.

3

«Северные цветы на 1830 год», стр. 228.

4

«Телескоп» 1831. Т. IV, стр. 135.

5

«Сто русских литераторов». Т. I.

Комментарии

1

XII том этого собрания сочинений не издавался; «История Петра» была впервые опубликована в 1855 г. П. В. Анненковым в собрании сочинений Пушкина. Полностью вышла лишь в 1938 г.

2

Это намерение не было осуществлено, хотя в портфеле редакции сохранилась «Выписка сочинений Пушкина, в полном собрании не помещенных» (см. публикацию Н. И. Мордовченко в кн.: «Литературный архив», кн. I. М. – Л., Изд-во АН СССР, 1938, с. 297–301).

3

Это намерение также не было осуществлено.

4

Критик цитирует стихотворения «к***» (1832) с пропуском 10-й строки: «Любуясь девою в печальном сладострастье», и с измененной 13-й строкой: «Веселья, мир души, беспечные досуги». Стихотворение обращено к Н. Л. Соллогуб. Впервые напечатано: «Утренняя заря на 1838 год», изданная В. Владиславлевым, с. 348.

Критик цитирует стихотворение «Признание» (1824), посвященное А. И. Осиновой, с измененной третьей строкой: «И в этой глупости несчастной». Впервые напечатано: «Библиотека для чтения», 1837, XXII, № 5, отд. I, с. 5–6.

6

Под таким названием был впервые опубликован прозаический отрывок «Гости съезжались на дачу...» («Сто русских литераторов», т. I. СПб., 1839, с. 89–95).

7

Полемический пафос двух выделенных критиком статей оставался актуальным в начале 40-х гг. В первой из них Пушкин оспаривает «мнение» М. Е. Лобанова о том, что «есть и в нашей новейшей словесности некоторый отголосок безнравия и нелепостей, порожденных иностранными писателями»; именно эти упреки, раздававшиеся со страниц «Москвитянина», отражал в 40-е гг. Белинский. «Торжество дружбы...» высмеивает неизменных противников Белинского Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча. По-видимому, в этом же ряду критик упомянул статью «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем», исключенную из печатного текста, как сообщил Белинский Н. Х. Кетчеру 3 августа 1842 г.

8

Шестая статья – «Несколько слов о мизинце г. Булгарина...» (см. примеч. 7).

9

В «Московском телеграфе» за 1825 г. публиковались две статьи Пушкина: «О г-же Сталь и о г. А. М-ве» (ч. III, № 12, с. 355–359) и «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» (ч. V, № 17, с. 40–46).

10

«Объяснение по поводу заметки об Илиаде» («Литературная газета», 1830, № 12 от 25 февраля, с. 98). Опубликовано без заголовка и начинается: «В одном из московских журналов...»

11

«Илиада Гомера...» («Литературная газета», 1830, № 2, от 6 января, с. 14–15; без подписи).

12

Под заголовком «Отрывок из неизданных записок дамы (1811 год)» был опубликован отрывок из повести «Рославлев» («Современник», 1836, т. III, с. 197–203).

13

Обе статьи («Современник», 1836, т. II, с. 5–13; 14–52) действительно написаны Пушкиным.

14

Незаконченная поэма, после смерти Пушкина озаглавленная для издания 1837 г. «Галуб» (у Пушкина это имя читается: Гасуб), ныне называется «Тазит». Впервые опубликовано: «Современник», 1837, т. VII, с. 5–16.

15

Название «Каменный гость» принадлежит Пушкину.

16

Стихотворение «Ночной зефир» в черновике помечено: 13 ноября 1824, то есть оно написано за 6 лет до «Каменного гостя», законченного 4 ноября 1830 г. Стихотворение «Я здесь, Инезилья...», написанное 9 октября 1830 г., также не входит в «Каменного гостя». 2-я и 18-я строки этого стихотворения у Пушкина: «Я здесь под окном».

17

«Паж, или Пятнадцатилетний король» – «Паж, или Пятнадцатый год»; «К***» – оставшееся в рукописи продолжение стихотворения «Наперсник» – «Счастлив, кто избран своенравно...»; «Лейла» – «От меня вечер Лейла...»; «М. А. Г.» – «Кн. М. А. Голицыной-Суворовой»; «Лицейская годовщина» – «Чем чаще празднует Лицей...»; «К Г***» – «С Гомером долго бы беседовал один...» (Гнедичу); «Романс» – «Пред испанкой благородной...»; «Ночью во время бессонницы» – «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы»; «М*» – «Он между нами жил...» (Мицкевичу); под названием «Подражание Данту» были объединены два разных стихотворения: «В начале жизни школу помню я...», «И дале мы пошли и страх обнял...»; первое из них связано с дантовской традицией ритмически, второе – ритмически и тематически; «Отрывком» были названы два стихотворения: «Люблю ваш сумрак неизвестный...», «Ты сердцу непонятный мрак...».

18

Критик цитирует «Памятник» с изменениями, внесенными Жуковским ввиду цензурных требований. У Пушкина 4-я строка: «Александрийского столпа»; 15-я строка – «Что в мой жестокий век восславил я Свободу». В этом тексте есть и мелкие неточности. 18-я строка: «Обиды не страшась, не требуя венца»; 20-я строка: «И не оспоривай глупца». Опущен также эпиграф: «Eregi monumentum» – «Памятник я воздвиг», Гораций.

19

Критик цитирует «Румяный критик мой, насмешник толстопузый...» по тексту, в котором 21-я и 22-я строки (завершающие этот отрывок) ошибочно напечатаны как 5-я и 6-я.

20

Последняя строка «Стихов, сочиненных ночью во время бессонницы», читается и по-другому: «Смысла я в тебе ищу».

21

См. «Историю древней и новой литературы» Ф. Шлегеля (ч. II. СПб., 1830 с. 10–14).

22

«Доморощенный критик» – С. П. Шевырев, который неоднократно восхищался Данте и под воздействием его «сильной гармонии» осознал необходимость введения в русское сложение итальянской октавы (см.: «Московский наблюдатель», 1835, ч. III, с. 5 и след.). Помимо трактата, излагающего суть этой реформы, Шевырев написал диссертацию «Дант и его век» (см. примеч. 1 к рецензии «Париж в 1838 и 1839

Сочинения Александра Пушкина. Томы IX, X и XI. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru года» В. М. Строева). Переводчиками Данте были Шевырев, которого очень склонял на это Пушкин (см.: «Русский архив», 1882, кн. 3, с. 185; о его «октавах» см. примеч. 19 к статье «Педант»); П. А. Катенин (см. его «Сочинения и переводы», ч. II. СПб., 1832) и Ф. Фан-Дим (Е. В. Кологривова), чей прозаический перевод «Ада» вышел в 1842 г.

23

Стихотворение «В начале жизни школу помню я...», отрывок из которого цитирует критик, Жуковский ошибочно включил в «Подражания Данте» (см. примеч. 17). Оно не имеет отношения к «Божественной комедии», хотя и написано дантовскими терцинами (строфика стихотворения не соблюдена при цитировании). 5-я строка этого отрывка у Пушкина: «Я предавал мечтам свой юный ум»; 11-я строка: «И свитки в тощих, мраморных руках»; 12-я строка: «На главах лавры, на плечах порфиры»; строка 20-я: «Был гневен, полон гордости ужасной».

24

Имеется в виду «Странник» (1835), являющийся вольным пересказом из первой главы книги Д. Беньяна «Путь паломника», исполненной библейской символики.

25

Критик цитирует отрывок из «Осени» (1833) с измененной 8-й строкой: «Я нечто в ней нашел мечтою своенравной» и частично опущенной 25-й строкой: «И мысли в голове волнуются в отваге».

26

Имеется в виду «Кто видел край, где роскошью природы...» (1821).

27

«История села Горюхина» (1830).

28

«table talk» (1835).

29

Под этими пятью разными названиями были опубликованы отрывки из оставшейся в рукописи статьи «Путешествие из Москвы в Петербург».

30

Общее название «Отрывки из записок А. С. Пушкина» было дано отрывкам, ныне печатающимся под заголовками: «Начало автобиографии», «Из автобиографии записок», «Опровержение на критики», «Баратынский», «О народной драме и драме «Марфа Посадница».

31

Статья, отрывки из которой приводятся ниже, – «Журнальные заметки» Ф. Булгарина («Северная пчела», 1840, № 247). В цитатах критик сделал купюры и допустил мелкую неточность в первой фразе: «...на «Полные сочинения»...» (так в «Северной пчеле»).

Во всех цитатах, кроме данной, курсив Белинского.

33

Имеется в виду выражение «Шемякин суд».

34

Пересказ слов Ж. Жанена из статьи «Состояние искусства во Франции после июльской революции. Письмо к миледи Ф. Б.» («Телескоп» 1833, ч. XIII, с. 356).

35

Намек на эпиграммы Пушкина, осмеивающие Булгарина.

36

«Северную пчелу» издавали Булгарин и Греч.

37

Перефразировка заключительной строфы стихотворения Пушкина «Поэт» (1830):

Доволен? Так пускай толпа его бранит,
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник.

38

При жизни Пушкина Белинский, выражая устремление русской литературы к критике действительности, писал о том, что поэт «кончился» («Литературные мечтания»), «уже свершил круг своей художественной деятельности» («О русской повести и повестях г. Гоголя» – наст. изд., т. 1, с. 162). Упреки в адрес Пушкина, приведенные в данном абзаце, высказывали, руководствуясь другими соображениями, Н. И. Надеждин (статьи о «Графе Нулине» и «Полтаве» – «Вестник Европы», 1829, № 3 и № 8–9), С. Е. Раич (статьи о творчестве поэта в целом – «Галатей», 1839, ч. IV), Ф. В. Булгарин (рецензия на «Полтаву» – «Сын отечества», 1829, ч. 125, № 15–16) и др. О забвении Пушкиным «богом данную народность» писал С. А. Бурачек («Маяк», 1840, ч. II, гл. 4, с. 43). Под рифмотворцем, кричавшим «о смерти и гниении Европы», подразумевается А. С. Хомяков, автор стихотворения «Мечта» (1835):

Но горе! Век прошел, и мертвенным покровом
Задернут Запад весь! Там будет мрак глубок...

39

Намек на политические доносы; имеется в виду, в частности, статья Шевырева «К «Отечественным запискам» («Москвитянин», 1841, № 6, с. 509–510), обвинявшая его оппонентов в отсутствии «благонамеренности».

40

В этом обвиняли самого Белинского.

41

Эпитет «педант» Белинский прилагал к Шевыреву; именно так назван памфлет критика (см.: наст. т., с. 382–389).

Сочинения Александра Пушкина. Томы IX, X и XI. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru

42 в 1843–1846 гг. Белинский написал одиннадцать статей о Пушкине, опубликованных в «Отечественных записках».

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!